

Содержание

ISSN 2587-8190

Ольга Докучаева. Мотив ограниченного знания в Стихе о Голубиной книге и в «Луцидариусе»	245
Дарья Трушина. «Родословная» сатира в «Недоросле» Д. И. Фонвизина и ее традиция в европейской литературе	256
Екатерина Лямина, Наталья Самовер. «Первые и последние стихи французские». Крылов — читатель маркиза де Кюстина.....	269
Анастасия Рожкова. Фольклорный и реальный комментарии к стихотворениям на былинные сюжеты А. К. Толстого «Змей Тугарин», «Илья Муромец» и «Алеша Попович»	281
Ольга Макаревич. Эффект бабочки, или Об одном сравнении в романе И. А. Гончарова «Обрыв»	293
Ангелина Балабаева. Личность и поэзия А. С. Пушкина в контексте литературно-критических работ Вл. С. Соловьева о русской поэзии	312
Анастасия Полумордвинова. Образ Сверхчеловека в творчестве В. Я. Брюсова: От гениальности к сумасшествию. <i>На материале ранней прозы и романа «Огненный ангел»</i>	330
Дмитрий Цыганов. Сталинская премия в системе литературного производства 1940-х — начала 1950-х годов. <i>Институциональный контекст формирования соцреалистического канона</i>	347
Евгения Ковалева. Петербургский текст в лирике Виктора Кривулина 1960-х годов	371
Екатерина Буханова. Элементы рецепции античных менипшей в повести А. Битова «Ожидание обезьян»	388
Указатель имен	409
Содержание семнадцатого тома	425

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),

А. Ю. Балакин, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.

Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2021 XVIII (3-4)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2021 (3-4)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Издано с использованием гранта Президента Российской Федерации,
предоставленного Фондом президентских грантов.

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2021
© «Летняя школа по русской литературе», 2021

Contents

Olga Dokuchaeva. The motive of limited knowledge in The Poem about Golubinaja kniga and <i>Lucidarius</i>	245
Darya Trushina. Pedigree satire in The Minor by D. I. Fonvizin and its tradition in European literature	256
Ekaterina Lyamina, Natalia Samover. <i>First and last French verses.</i> Ivan Krylov reads Marquis de Custine	269
Anastasia Rozhkova. Folklore and real comments on the poems on the epic plots by A. K. Tolstoy <i>The Serpent Tugarin, Ilya Muromets</i> and <i>Alyosha Popovich</i>	281
Olga Makarevich. The butterfly effect, or About one comparison in I. A. Goncharov's novel <i>The precipice</i>	293
Angelina Balabaeva. Alexander Pushkin and his poems in the context of Vl. Solovyov's literary criticism about Russian poetry	312
Anastasia Polumordvinova. The image of the Superman in the work of V. Ya. Bryusov: <i>From genius to madness</i> (Based on the material of early prose and the novel <i>The Fiery Angel</i>)	330
Dmitry Tsyganov. Stalin's Prize in the system of the literary process in 1940s — early 1950s. <i>The formation of the socialist realist canon in the institutional context</i>	347
Evgeniya Kovaleva. The St. Petersburg text in the poetry of Viktor Krivulin of the 1960s	371
Ekaterina Bukhanova. Elements of the reception of the ancient <i>menippeas</i> in the novel by A. Bitov <i>The Monkey Link</i>	388
Index	409
Content of the volume	425

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Alexey Balakin, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ДМИТРИЙ ЦЫГАНОВ
(Москва)

СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ В СИСТЕМЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА 1940-х — НАЧАЛА 1950-х ГОДОВ

*Институциональный контекст формирования
соцреалистического канона*

Сталинская премия по литературе рассматривается в статье как институция, работа которой оказывала прямое влияние на складывание соцреалистического канона. Сформулированный в теме аспект изучения Сталинской премии подразумевает не только погружение в контекст институциональной истории культуры позднего сталинизма, но и попытку обнаружить присущий этой институции стабилизирующий потенциал, которым могла обеспечиваться целостность культурного континуума позднесталинской эпохи и посредством которого осуществлялась глубинная трансформация массового сознания, деформированного и травмированного военным опытом.

Ключевые слова: Сталинская премия, литературный канон, соцреалистический канон, послевоенная литература, поздний сталинизм, институциональная история литературы.

Информация об авторе: Дмитрий Михайлович Цыганов, студент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Москва Россия.

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

Stalin's Prize in the system of the literary process in 1940s — early 1950s

*The formation of the socialist realist canon
in the institutional context*

In this article, Stalin's Literary Prize is regarded as an institution, the work of which directly affected the formation of the socialist realist canon. The article's perspective on the topic not only poses an analysis of the late Stalinism institutional culture but also the paper attempts to discover the stabilizing potential inherent in this institution, which could ensure the integrity of the cultural continuum of the late era of Stalin and through which a deep transformation

of the mass consciousness deformed and traumatized by the military experience was carried out.

Key words: Stalin's Prize, literary canon, socialist realist canon, post-war literature, late Stalinism, institutional history of literature.

About the author: Dmitry Tsyganov, student of Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-3-4-347-370

I

В письме к Л. М. Кагановичу от 15 августа 1934 года И. В. Сталин написал: «Надо разъяснить всем литераторам-коммунистам, что хозяином в литературе, как и в других областях, является только ЦК и что они обязаны подчиняться последнему беспрекословно».¹ Именно эта фраза наиболее точно характеризует специфику историко-литературного процесса сталинской эпохи. Объем того влияния, которое лично Сталин и ряд приближенных к нему членов Центрального комитета партии оказывали на литературное производство 1930-х — начала 1950-х годов, отнюдь не исчерпывается частными санкциями и точечными вмешательствами в общий ход культурного развития. В отношении к сложившейся в Советском государстве ситуации можно говорить о целенаправленном, инициированном высшими структурами власти воздействии на формирование соцреалистического канона сталинской культуры. Механизмами, посредством которых проводилась эта «культурная политика», стали многочисленные институции и учреждения (такие как творческие союзы и объединения, массовое чтение и производство текстов как основные институты сталинской культуры, школы и университеты (например, основанный в 1933 году Вечерний рабочий литературный университет; с 1939 года — Литературный институт Союза советских писателей), «толстые» литературно-художественные журналы и разнообразные газеты, Сталинская премия, литературная критика, цензура и «теория социалистического реализма», составлявшая ведущую отрасль «советского литературоведения»); их совокупность составила

¹ Шифротелеграмма Сталина И. В. Кагановичу Л. М. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 83. Л. 67.

контекст для оформления сталинского культурного канона. Неравномерный характер протекания этого процесса особенно ощутим при сопоставлении разных этапов развития режима: импульс литературного развития, полученный в первой половине 1930-х годов¹ и очевидно ослабевший к 1936–1938 годам, к концу 1930-х вновь набирает силу; однако, будучи прерванным начавшейся войной и краткосрочным периодом послевоенного восстановления, он вновь достигает своего апогея уже в период позднего сталинизма, когда окончательно складывается культурный канон социалистического реализма. Наметившиеся незадолго до XIX Съезда партии (октябрь 1952 года) деструктивные тенденции,² обозначившие необходимость скорейшей переориентации литературного процесса и как бы «завершившие» послевоенную «литературу метрополии», позволяют значительно сузить хронологические рамки исследования, сосредоточившись на периоде 1940-х — начала 1950-х годов, лишь отчасти привлекая материал, относящийся к ближайшему по времени контексту. В этот временной промежуток укладывается 11-летняя история института Сталинской премии в области литературы и искусства, чьей роли в формировании послевоенного соцреалистического канона и — шире — месту в системе литературного производства посвящено наше исследование.

* * *

Сложилось так, что в отечественной и зарубежной науке о литературе наибольший интерес для исследователей традиционно представляют именно *негативные* санкции власти, направленные на писателей, поэтов, драматургов и других

¹ Не случайно Х. Гюнтер определяет в качестве центральных в истории критики первой половины 1930-х годов именно «процессы канонизации» (см.: Гюнтер Х. Советская литературная критика и формирование эстетики соцреализма: 1932–1934 // История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко и Г. Тиханова. М., 2011. С. 251). Ключевым событием может быть назван первый Всесоюзный съезд советских писателей, состоявшийся в августе 1934 года.

² См. подробнее: Цыганов Д. М. «Литературная газета» как один из институциональных механизмов демонтажа послевоенного соцреалистического канона // Текст. Исследования молодых ученых. М., 2021. № 2 (5). С. 313–323.

участников литературного производства. На сегодняшний день не представляется возможным подсчет работ, полностью или частично посвященных, например, случаям преследования О. Э. Мандельштама или М. А. Булгакова, «травле» Б. Л. Пастернака или печально известному ждановскому постановлению 1946 года. Несомненно, ряд имен и событий может и должен быть продолжен; об осознании этой необходимости говорят многочисленные труды и публикации последних лет.¹ В одной из своих статей, посвященной вопросам периодизации и специфики русского литературного процесса первой половины XX века, Н. А. Богомолов пишет о важности обращения к т. н. «литературному быту»: «...награждение орденами, премии (особенно сталинские) <...> вообще экономическое положение писателей и т. п.»² Однако для исследователя это обращение остается периферийным (если не факультативным) в вопросе создания «общей картины исторического развития русской литературы после 1917 года»; Богомолов отдает предпочтение задаче изучения «противостояния [власти] отдельных личностей».³ Между тем рассмотрение разрозненных сюжетов взаимодействия писателей и власти, подобных упомянутому выше, не позволяет прийти к выводам, в полной мере характеризующим то влияние, которое эти сфабрикованные дела и срежиссированные кампании оказывали на складывание литературного канона. В подавляющем большинстве случаев мы имеем дело именно

¹ Среди них следует упомянуть отдельные тома из серии «История сталинизма» (РОССПЭН), работы Н. А. Громовой, Е. А. Добренко, Г. А. Морева, Б. М. Сарнова, Р. Д. Тименчика, Д. М. Фельдмана, Л. С. Флейшмана, Б. Я. Фрезинского и особенно: *Бит-Юнан Ю. Г., Фельдман Д. М.* Сталинские премии Василия Гроссмана: история с библиографией // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 186–223; *Флейшман Л. С.* Борис Пастернак и Нобелевская премия. М., 2013; *Морев Г. А.* Осип Мандельштам: Фрагменты литературной биографии (1920–1930-е годы). М., 2022. Также отметим труды многих других исследователей, чья деятельность по большей части связана с изучением и публикацией архивных материалов (П. А. Дружинин, М. Н. Золотоносов и др.).

² *Богомолов Н. А.* Несколько размышлений по поводу двух дат в истории русской литературы советского периода // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 265.

³ Там же.

с частными аспектами творческой биографии отдельно взятого автора, которые, конечно, определяли своеобразие литературного процесса сталинской эпохи, но отнюдь не обуславливали его специфику. Вместе с тем писатель, не имевший возможности публиковать собственные тексты и, как следствие, напрямую контактировать с потенциальным читателем, «выключался» из литературного производства. Говорить о «значимом отсутствии» можно и нужно, но не в тех случаях, когда речь идет о формировании литературного канона или читательского сознания. Анализ же «эволюции литературного ряда» (по Ю. Н. Тынянову) прежде всего сопрягается с анализом того влияния, которое *печатный литературный процесс* оказывает на «массового читателя». В свете этого куда более приоритетное положение в системе литературного производства сталинской эпохи занимали *положительные* санкции власти.¹ Именно они не только «размечали литературный поток, сортировали множество образцов, бесперебойно поступающих на литературный рынок, а тем самым ориентировали, структурировали *литературное и читательское сообщество*»,² но и непосредственно определяли общий характер соцреалистического канона, формировали категорию читательского вкуса, обуславливали и предопределяли стратегии его развития и эволюции. Главным институтом в системе литературного производства начала 1940 — середины 1950-х годов, работа которого была связана с осуществлением не *репрессивной*, а *поощрительной* деятельности, был Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства.

¹ К сожалению, данный аспект темы взаимодействия писателей и советской власти практически не разработан в отечественном литературоведении, не говоря уже о западной славистике. См. подробнее: *Цыганов Д. М.* Сталинская премия по литературе в контексте институциональной истории культуры позднего сталинизма: Библиографический обзор // Текстология и историко-литературный процесс: Сб. статей. Вып. 9 (в печати).

² *Дубин Б. В.* Литературные премии как социальный институт [2006] // Дубин Б. В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М., 2010. С. 218; курсив автора. — *Д. Ц.* Общий механизм, описанный в цитируемой статье, может быть применен (с некоторыми, порой существенными, поправками) к анализу культурной ситуации позднего сталинизма, несмотря на то что она не предполагала существования литературного рынка в том смысле, в каком о нем пишет Б. Дубин.

II

Драматург А. К. Гладков 17 декабря 1939 года отметил в своем дневнике: «Газеты полны очерками и статьями о Сталине перед его 60-летием. Все ждут какого-нибудь крупного государственного акта в связи с этим юбилеем. Вряд ли...»¹ Спустя 5 дней, 22 декабря, он запишет: «Все вчерашние газеты были посвящены юбилею Сталина. „Правда“ вышла на 12 страницах, кажется, впервые у нас. Постановление о присвоении Сталину звания „Герой Социалистического Труда“ и учреждении стотысячных премий во всех областях науки и искусства. Все юбилейные статьи отличаются только разве подписями авторов».² Речь шла о постановлении № 2078 «Об учреждении премии и стипендии имени Сталина» от 20 декабря 1939 года за подписью В. М. Молотова и М. Д. Хломова.³ Позднее ими же будет подписано и постановление № 178 «Об учреждении премий имени Сталина по литературе» от 1 февраля 1940 года.⁴ Именно этими двумя документами был учрежден институт Сталинской премии, сменивший Ленинскую премию (учрежденную в 1925 году и вручавшуюся с 1926 по 1935 годы) и прекративший существование почти одновременно с человеком, чье имя он носил, в 1954 году. Следом за этими постановлениями в «Правде» (№ 92 (8138) от 2 апреля 1940 года) был напечатан документ, регламентирующий первоначальный состав (который впоследствии будет претерпевать довольно существенные изменения) ранее учрежденного Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Главная функция Комитета определялась «Положением о Комитете по Сталинским премиям при СНК СССР» и заключалась в «*предварительном* рассмотрении»⁵ работ, представляемых различными общественными организациями на соискание премии. Очевидно, что последнее слово в решении вопроса

¹ Из дневника А. К. Гладкова, 28 августа — 31 декабря 1939 г. // Междумолотом и наковальней. Союз советских писателей СССР: Документы и комментарии. М., 2011. Т. 1. С. 847.

² Там же.

³ Правда. 1939. № 351 (8036). 21 декабря. С. 2.

⁴ Правда. 1940. № 32 (8078). 2 февраля. С. 1.

⁵ См.: Сталинские премии: Справочник / Сост. Н. С. Шерман. М., 1945. С. 6; курсив наш. — Д. Ц.

о присуждении произведению Сталинской премии оставалось за человеком, чье имя носила награда. Именно Сталин зачастую вносил существенные коррективы не только в лауреатские списки, вместе со своими приближенными образуя своего рода альтернативный «комитет»,¹ но и в институциональный облик самой Премии. Говорить о жесткой формальной регламентации в данном случае не приходится, потому как гибкость и подвижность контуров этой системы определялась самим Сталиным. В частности, 31 марта 1948 года в рамках очередного обсуждения по вопросу присуждения премий, как вспоминает К. М. Симонов, Сталин несколько раз заострил внимание присутствовавших на том, что «...количество премий — элемент формальный и если появилось достойных премии произведений больше, чем установлено премий, то можно число премий и увеличить».² Все эти обстоятельства создают множество препятствий к построению логически выверенной и относительно полной истории института Сталинской премии: наиболее существенной оказывается проблема, связанная с недостаточной информативностью источников (в т. ч. архивных) и напрямую вызванная прихотливым устройством находящейся в центре нашего внимания институции.³

С течением времени «экспертный состав» этого альтернативного «комитета» претерпевал кадровые изменения, каждое из которых все очевиднее утверждало доминирующее положение того, кого Л. М. Каганович именовал не иначе как Хозяином.⁴ Так, принятие решений о присуждении премий в области художественной литературы стало восприниматься

¹ В его немногочисленный круг входили, помимо членов Политбюро, начальника или заместителя начальника управления агитации и пропаганды ЦК и председателя Комитета по делам искусств, и некоторые члены Правительственного комитета по Сталинским премиям. См. подробнее: Шепилов Д. Т. Непримкнувший: [Воспоминания]. М., 2017. С. 128.

² Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 161.

³ См. подробнее: Цыганов Д. М. Сталинская премия по литературе в контексте институциональной истории культуры позднего сталинизма: Библиографический обзор.

⁴ Именно так Л. М. Каганович назвал Сталина в письме к Г. К. Орджоникидзе. См.: Каганович Л. М. Письмо Г. К. Орджоникидзе, 12 октября [1936 г.] // Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. документов / Сост. О. В. Хлевнюк, А. Б. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1995. С. 150.

«всецело как епархия самого Сталина, и только его»¹ лишь с момента смерти А. А. Жданова, прожившего немногим более двух лет после прочтения своего разгромного августовского доклада 1946 года. Принимаемые участниками «не столько заседаний, сколько разговоров» решения о присуждении тому или иному писателю премии в одной из номинаций не только мгновенно вводило последнего в круги литературного истеблишмента, многократно поднимая количественное значение тиражей (стандартный показатель варьировался от 150 000 до 350 000 экземпляров), но и, говоря словами Сталина, «включало в искусство».² Это оказывается принципиально важным моментом: в условиях позднесталинского «мрачного семилетия», где абсурд плотно сопрягался с паранойей, то или иное произведение в «ядро» соцреалистического канона «включали» не народная любовь и не читательское признание, а фраза, обычно украшавшая один из форзацев книги: «Постановлением Совета Министров Союза ССР [писателю] NN за роман / повесть / пьесу [и т. д.] присуждена Сталинская премия первой / второй / третьей степени за 19NN год».

Апофеоз сталинского влияния на Премию пришелся на послевоенную эпоху — период позднего сталинизма, — когда «отец народов», осознав присущий этой институции стабилизирующий/гармонизирующий (но не останавливающий) подспудную трансформацию действительности, «формовку» моделей массового мышления) потенциал, которым обеспечивалась искомая целостность культурного континуума позднесталинской эпохи, станет выносить решения о присвоении награды литераторам, почти полностью отстранившись от предложений Комитета. Единственным критерием, которым вождь будет руководствоваться при присуждении премий, станет довольно парадоксальный вопрос о «нужности» того или иного на тот момент уже опубликованного текста: «нужна ли эта книга нам сейчас?!»³ — часто вслух

¹ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. С. 181.

² Там же. С. 194.

³ Там же. С. 167. Под сталинским «нужно», по-видимому, подразумевалось нечто вроде «отвечает ли данная конкретная книга требованиям идеологической магистрали» (т. е. окажет ли премирование этого текста должное влияние на массовое читательское мышление или нет).

будет проговаривать Сталин, адресуясь больше к себе, нежели к сидящим в его кабинете чиновникам. Позднее инструментальный ресурс этой институциональной структуры надежно усвоят и его приближенные. В 1940-е годы Премия займет прочное место институции-посредника, осуществляющей перевод, «пересчет» идеологических импульсов в эстетические формы: политика начнет стремительно терять статус сугубо умозрительного конструкта и постепенно приобретать эстетическое измерение, оформляясь в доступные для усвоения массовым сознанием артефакты — овестествленные политические жесты. А уже к концу 1940-х годов, в период радикализации отношений СССР и активно разоблачаемых «поджигателей новой войны», институт Премии в сознании сталинских функционеров станет восприниматься как один из главных инструментов структурирования мирового политического пространства, о чем свидетельствует письмо А. А. Фадеева Сталину 11 ноября 1949 года. В нем председатель правления Союза писателей вновь просит

рассмотреть вопрос о возможности и целесообразности учреждения международных премий Советского Союза за достижения прогрессивной науки, искусства и литературы во всех странах мира.¹

Очевидно, что прототипом таких «международных премий» должна была выступить Сталинская; они должны были стать альтернативой Нобелевским, которые, по мнению Фадеева, «все более наглядно свидетельствуют об угодничестве людей, распоряжающихся этими премиями, перед англо-американскими империалистами».² Вместе с тем,

учреждение международных премий Советского Союза теперь особенно подчеркивает ведущее место СССР в культурном развитии человечества и послужит делу объединения и сплочения действительно прогрессивных людей разных стран вокруг СССР.

<...> учреждение международной премии Советского Союза может особенно наглядно показать им («странам народной демократии» и Китайской народной республике. — Д. Ц.),

¹ Записка Фадеева А. А. Сталину И. В. 11 ноября 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1377. Л. 2. Подчеркнуто рукой Сталина синим карандашом.

² Там же.

что Советский Союз является истинным другом и покровителем их национальной культуры, отечески заботящимся о ее прогрессивном развитии.¹

Акцент, который Фадеев делает на отводимой Премии роли едва ли не ключевого института в процессе поляризации мира, разделения «сфер влияния», существенно усложняет вопрос о том значении, которое в послевоенный период придавалось высшей советской награде, а также проблематизирует рассуждение о ее роли в формировании соцреалистического канона, выводя за пределы сугубо историко-литературных разысканий.

III

Институт Сталинской премии занимал особое место в системе литературного производства; он, как может показаться из анализа фактов, не влиял на литературный процесс непосредственно. Фактически премии присуждались за уже изданные произведения, следовательно, Комитет не исполнял функций контроля и цензуры, возложенных на Главлит. Неформальные заседания альтернативного «Комитета», зачастую проходившие в кабинете у Сталина или в небольшом зале для совещаний (как это было, например, в 1952-м году²), не протоколировались, а публиковались исключительно итоговые решения в формате «кому, за что, сколько». Иными словами, деятельность Комитета не может интерпретироваться как критическая, так как обсуждения тех или иных номинированных произведений имели частный, а не публичный характер. Действительно, в связи с работой Комитета по Сталинским премиям нельзя говорить о каких-либо наглядных *промежуточных* итогах ее деятельности, кроме значительного улучшения материального положения лауреатов и разрастания номенклатурного аппарата путем введения некоторых из них в состав Верховного Совета СССР (как, например М. А. Шолохова, К. М. Симонова или С. П. Бабаевского). В частности, В. П. Некрасов, автор повести «В окопах Сталинграда» (1946), опубликованной с со-

¹ Там же. Л. 2–3.

² Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. С. 181.

кращённым вариантом заглавия «Сталинград» в «Знамени» (№ 8–10 за 1946 год), вспоминал: «С этого дня (дня публикации в «Правде» и «Известиях» списка лауреатов премии за 1946 год. — Д. Ц.) книга стала примером, образцом. Все издательства наперебой начали ее издавать и переиздавать, переводчики переводить на все возможные языки, критики только хвалить, забыв, что недавно еще обвиняли автора...»¹

В то же самое время Сталинская премия по литературе представляла собой институцию, работа которой оказывала прямое влияние на складывание соцреалистического канона и, как следствие, на «формовку» (в терминах Е. А. Добренко) советского читателя и писателя как представителей овеществленной «социалистической действительности», текстуальной утопии, свершившейся в послевоенном СССР. Однако говорить об однородности этого канона в привычном смысле слова не приходится, так как суждения подобного толка неизбежно привели бы к значительному упрощению, поставив А. Н. Толстого и С. П. Бабаевского, К. М. Симонова и А. А. Сурова, А. А. Фадеева и М. С. Бубеннова в один ряд. Не принимая во внимание институциональный контекст формирования соцреалистического канона, невозможно прийти к убедительным выводам о том, на каких основаниях соцреализм выделялся в общем литературном процессе. Более того, невозможно и провести уточняющую параллель между литературой соцреализма, безусловно *лежавшей в основании этого канона*, и живописью, архитектурой, скульптурой, театром, музыкой — потому как эти сферы эти не существуют обособленно, а состоят в сложных и подчас не поддающихся формализации отношениях, когда «изобразительный ряд <...> таит в себе ряд литературный».² С. И. Сталина,³

¹ Некрасов В. П. Через сорок лет... (Нечто вместо послесловия) // Некрасов В. П. В окопах Сталинграда. London, 1988. С. 294. По всей видимости, решение о присуждении премии тексту Некрасова, вычеркнутому из списка лично Фадеевым (председателем Комитета), принадлежит непосредственно Сталину, о чем говорят свидетельства современников (например, Вс. Вишневского — см.: Там же).

² Добренко Е. А. Фундаментальный лексикон: Литература позднего сталинизма // Новый мир. 1990. № 2. С. 237.

³ Фамилию Сталина на Аллилуева она сменил только месяцем позднее, в сентябре 1957 года.

защитившая в 1954 году на кафедре теории литературы и искусства Академии общественных наук при ЦК КПСС кандидатскую диссертацию по теме «Развитие передовых традиций русского реализма в советском романе», в августе 1957 года писала в письме И. Г. Эренбургу:

...я никогда, держа в руках *хорошую книгу*, не находила, не чувствовала разницы «реализмов», той самой разницы, о которой мне пришлось писать целую диссертацию в 300 страниц. <...> Когда я выбрала эту тему, мне объяснили: «А, это у вас проблема традиций и новаторства, очень, очень интересно. Раскройте традиции, раскройте новаторский характер советской литературы, установите преемственность и т. д.». Так я села за работу. А когда окончила ее — мне было ясно, что я не нахожу этого всего в литературе, что для меня есть реализм, есть искусство большое и настоящее и что я никак не могу «сделать выводы», которые мне подсказывает мой научный руководитель.¹

Это суждение совершенно отчетливо смыкается со словами Фадеева из работы, датированной апрелем 1956 года, о том, что «формы реализма столь многообразны, что их нельзя объять никакою догмой».² Отразившиеся в приведенном фрагменте письма соображения эстетического толка сразу же провоцируют вопрос о том, оказывается ли эта «разница „реализмов“» ощутимой в отношении к «плохим» книгам, о которых Сталина ничего не пишет. Довольно отчетливо проводимое в этом письме деление канонических соцреалистических текстов на «хорошие» (т. е. максимально дистанцированные от соцреалистической эстетики) и хоть и не называемые прямо, но подспудно подразумевающиеся «плохие» (т. е. лишенные подлинного эстетического содержания, являющиеся образчиками т. н. «режима литературы» (М. Чудакова) — тупиковый

¹ Сталина С. И. Письмо Светланы Сталиной Илье Эренбургу / Публ., вступает, статья и коммент. Б. Я. Фрезинского // Вопросы литературы. 1995. № 3. С. 301; курсив наш. — Д. Ц. Примечательно, что сам Фрезинский, в чьем собрании хранится подлинник письма, в книге «Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов» (М., 2008) дает неверную ссылку на первую публикацию материала, путая номер журнала: «Вопросы литературы. 1995. № 5» (С. 607).

² Фадеев А. А. О Чернышевском, [апрель 1956 г.] // Фадеев А. А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 236 (впервые: Новый мир. 1957. № 2. С. 213).

теоретический подход, опирающийся в своей аргументации не на утверждение, а на негацию. Очевидно, что такая дифференциация материала вступает в конфликт с самой логикой его организации: удостоенные Сталинской премии тексты оказываются соположенными — по меньшей мере в институциональном контексте — как произведения «выдающиеся», то есть не «относительно хорошие», а «абсолютно хорошие»¹ (что бы под этим ни подразумевалось). В передовой статье «Новый отряд лауреатов Сталинских премий», напечатанной 27 июня 1946 года в «Правде», прямо утверждалось: «Сталинские лауреаты — это лучшие из лучших. Их сотни. А за ними — тысячи и десятки тысяч превосходных работников, представивших свои труды на соискание премии».² Позднее в издательстве «Советский писатель» будет издано несколько сборников статей, посвященных премированным произведениям.³ В них т. н. критерий «художественного качества» будет дискредитирован окончательно. Иначе говоря, текст, отмеченный Сталинской премией, попросту не мог быть охарактеризован в терминах традиционной эстетики; следовательно, эстетическая ценность или ее отсутствие не воспринимались как релевантные параметры, посредством которых произведения подразделялись на произведения «относительно хорошие» и «абсолютно хорошие». Стало быть, логика формирования и структурирования соцреалистического канона базируется на иных основаниях, слабо соотносящихся с механизмами складывания литературных канонов и принципами циркуляции текстов в нетоталитарных системах.

Рассуждая о послевоенной литературе, Е. Добренко пишет, что перед нами предстает «замкнутая, строго иерархическая система, на одном полюсе которой „высокая

¹ Стенограмма первого заседания Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. 16 сентября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4.

² Правда. 1946. № 151 (10233). 27 июня. С. 1.

³ См., например: Новые успехи советской литературы. Лауреаты Сталинских премий в 1948 г.: Сб. статей. М., 1949; Советская литература на подъеме: лауреаты Сталинской премии 1949 г.: Сб. статей. М., 1951; Выдающиеся произведения литературы 1950 г.: Сб. статей. М., 1952; Выдающиеся произведения литературы 1951 г.: Сб. статей. М., 1952.

литература“ с ее героикой, а на другом „легкая“, комедийная, вполне опереточная по строю и сюжету <...> На обоих полюсах — праздник, счастье, счастливый финал, хотя главным был „высокий“ — функционально-производственный полюс». ¹ О степени строгости иерархической организации можно спорить, потому как конфигурация произведений в соцреалистическом каноне далеко не всегда определяется критерием патетики, но во многих случаях объясняется куда более прихотливыми и даже прагматическими факторами: необходимостью регулирования внешнеполитической обстановки (особенно в странах Прибалтики и государствах новообразованного социалистического лагеря), потребностью в установлении патронажа над национальными культурами республик и т. д. Тем не менее фиксируемый Добренко факт герметической цельности этого массива текстов не вызывает сомнений. Более того, последовательно проводимая им мысль о статичности этой системы ² не только подчеркивает относительную упорядоченность и целостность послевоенного литературного канона, но косвенно указывает на синкретический характер всей позднесталинской соцреалистической культуры. Вместе с тем, Светлана Сталина также достаточно прямо говорит и об искусственном нагнетании регрессивных тенденций в «советском литературоведении». ³ Применение одних и тех же «известных всем высушенных догм» ⁴ к образцам соцреалистической «художественной продукции», произведенным в принципиально разные периоды развития системы, создавало видимость монолитности искусства ста-

¹ Добренко Е. А. Фундаментальный лексикон: Литература позднего сталинизма. С. 243.

² Ср.: «Ее [послевоенной литературы] уникальная особенность — совершенное отсутствие реального движения и собственной критики как внутреннего саморегулятора» (Там же. С. 238).

³ Ср.: «...у каждого из нас, да и у других наших коллег, есть десятки интересных мыслей об искусстве, но мы никогда их не произносим вслух в те моменты, когда нам представляется трибуна научной конференции и страницы журнала» (Сталина С. И. Письмо Светланы Сталиной Илье Эренбургу. С. 300). Симптоматично в этом контексте и название передовой статьи в июньском номере «Правды» за 1953 год «Преодолеть отставание литературоведения» (Правда. 1953. № 160 (12728). 9 июня. С. 1).

⁴ Там же. В этом суждении Сталиной параллелизм с приведенными выше словами Фадеева также очевиден.

линизма. В то же время показавшая свою гибкость в послевоенный период литературная критика — а с ней и вся, по словам В. В. Ермилова, «боевая теория литературы», — не обеспечивали и не могли обеспечить устойчивость этой системы в ситуации ее постоянного внутреннего переустройства. Между тем соцреалистический канон, основывавшийся на текстуальных практиках, вовсе не являлся сугубо литературным, но в равной мере определял целостный характер всей позднесталинской культуры, тогда как единство этого канона было обеспечено сложно организованной институциональной системой, важнейшее место в которой занимал институт Сталинской премии.

Особый статус в подобной социокультурной ситуации приобретал текст. Об этом свидетельствует пристальное внимание Комитета и лично Сталина непосредственно к текстам, при условии практически полной нейтрализации индивидуально-авторского аспекта в вопросе принятия решений о присуждении наград.¹ Премию могли вручить посмертно, как это произошло в случае с В. Я. Шишковым (за роман-эпопею в трех книгах «Емельян Пугачев» — Сталинская премия первой степени за 1943–1944 годы) или С. Нерис (за сборник стихов «Мой край» — Сталинская премия первой степени за 1946 год). Премию могли присудить и за произведение, на самом деле не принадлежащее перу лауреата, как это имело место в случае с пьесой якобы А. А. Сурова «Рассвет над Москвой» (Сталинская премия второй степени за 1950 год), автором которой он не является.² В данной

¹ Особняком стоят лишь два случая, когда премию за 1942 год (по разрешению Совета народных комиссаров) присудили за «многолетние выдающиеся достижения в области литературы» В. В. Вересаеву и А. С. Серафимовичу. См.: О Сталинских премиях за выдающиеся работы в области науки и изобретательства, искусства и литературы за 1943 г. 9 декабря [1943 г.] // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 221. Л. 188. Это обстоятельство требует отдельного рассмотрения.

² Подробнее об этом случае как о феномене культурной истории позднего сталинизма: *Цыганов Д. М.* «Получи четверть премии или я спую тебе на Колыме»: Сталинская премия и преодоление «бесконфликтности» в драме позднего сталинизма («Московский характер» А. В. Софронова и «Рассвет над Москвой» А. А. Сурова). Доклад на Международной конференции молодых филологов. Тарту, Эстония, апрель 2021 года.

связи примечателен также и протест Сталина, отраженный в воспоминаниях Симонова, на предложение главного редактора журнала «Октябрь» и автора эпопеи в четырех книгах «Бруски» (1928–1937) Ф. И. Панферова премировать в 1948-м году романы «Кавалер золотой звезды» С. П. Бабаевского и «Алитет уходит в горы» Т. З. Сёмушкина не целиком, а только вышедшие в печати части, «таким образом поощрив молодых авторов»: «Сталин не согласился. — Молодой автор, — сказал он, — Что значит молодой автор? Зачем такой аргумент? Вопрос в том, *какая книга* — хорошая ли *книга*? А что же — что молодой автор?»¹ Своего рода бартовская «смерть автора» по-сталински!

Большинство номинированных на Сталинскую премию текстов первоначально существовало не в виде отдельных книжных изданий, а — в зависимости от объема — в формате полных или же разделенных на фрагменты публикаций в «толстых» литературных журналах и, в исключительных случаях, в газетах (например, пьеса К. Симонова «Русские люди» (1942) была напечатана в 4-х июльских номерах (№ 194–197) «Правды» за 13–16 июля 1942 года; в том же году в 4-х августовских номерах (№ 236–239) «Правды» за 24–27 августа в переводе с украинского языка была опубликована пьеса А. Корнейчука «Фронт» (1942).² Многие романы, позднее отмеченные премией, были напечатаны в «Романе-газете», выходявшей тиражом до 500 000 экземпляров. Среди них: «Дмитрий Донской» С. П. Бородина (1942. № 6–8), «Молодая гвардия» А. А. Фадеева (1946. № 1–3), «Первые радости» К. А. Фекина (1946. № 7–8), «Люди с чистой совестью» П. П. Вершигоры (1946. № 11–12), «Счастье» П. А. Павленко (1947. № 11–12), «Кружилиха» В. Ф. Пановой (1948. № 6), «Кавалер золотой звезды» С. П. Бабаев-

¹ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. С. 167; курсив наш. — Д. Ц.

² Газетные публикации художественных текстов наиболее характерны для военного периода. Полный подневный перечень произведений (прозаических, поэтических, драматических), опубликованных в центральной периодической печати в 1941–1945 годах из фондов ГБЛ (ныне — РГБ), см: Советские писатели в Великой Отечественной войне: Библиографическая хроника // Новый мир. 1958. № 2. С. 129–196.

ского (1948. № 8–10), «Иван Иванович» А. Д. Коптяевой (1950. № 11–12), «Жатва» Г. Е. Николаевой (1951. № 4–5) и др. В свете этого важным обстоятельством видится то, что отдельным изданием большинство из названных текстов выходило уже после официальных известий о присвоении авторам лауреатских званий. Выход отмеченных наградой текстов многотысячными тиражами в главных издательствах («ГИХЛ», «Советский писатель», «Молодая гвардия», «Московский рабочий» и др.), включение их в литературные серии («Библиотека избранных произведений советской литературы 1917–1947», «Библиотека советского романа», «Советская драматургия 1917–1947» и др.) и, как следствие, обязательная комплектация этими изданиями библиотечных фондов (в т. ч. школьных) не только обуславливали «включение» произведений в оформлявшийся соцреалистический канон, но и определяли их конфигурацию в этой системе.¹

IV

В то же время Сталинская премия была именно тем институтом, работа которого была отмечена глубинной трансформацией деформированного и травмированного массового сознания, которое окончательно отмежевалось от довоенного опыта, став более пластичным и податливым. Это обстоятельство закономерно побуждало режим на поиск новых форм воздействия на человека, создания у него «единственно верного» представления об окружающей его действительности. Премия как институциональный механизм была связана не только с созданием «костяка художественной структуры» (И. Голомшток) — собственно «ядра» послевоенного эстетического канона, но и с постепенным упрочением констант «формуемого» мышления, с овеществлением «сверхреальности» (Б. Гаспаров) соцреалистического текста. Это обстоятельство может открывать новые пути интерпретации сталинского

¹ Таким образом, книга становилась пространством как сосуществования разных видов искусства (например, литературного и изобразительного), так и оформления единого соцреалистического канона (ср., например, многочисленные случаи издания повести Б. Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке» (1946) с иллюстрациями Н. Н. Жукова, также отмеченными Сталинской премией за 1950 год).

желания «избежать такого явления, при котором писатель напишет одно хорошее произведение, а потом живет на него и ничего не делает. А то написали по хорошему произведению, настроили себе дач и перестали работать. Нам <...> надо, чтобы этого не было».¹ Важным для Сталина, по-видимому, оказывалась идея создания целого комплекса моделей, которые и должны были воплотить в себе основополагающие принципы и стратегии «зрелого» национального сознания, чьей детерминантной становилась мысль о *превосходстве* русского народа над другими и принципиально важная для Сталина идея *величавости нации*. В связи с этим куда более важными являлись не индивидуальные номинации, «рекордсменами» в которых были «литературный генерал» Симонов (шестикратный лауреат²), драматург А. Корнейчук (пятикратный лауреат³) и три четырехкратных лауреата (П. Павленко, Н. Вирта и С. Маршак), а конгломераты премий, объединенных одним *литературным* сюжетом. Первое место по количеству лауреатских званий среди этих комплексов произведений занимает «Молодая гвардия» (7 Сталинских премий); далее следуют «Незабываемый 1919-й год» (5 Сталинских премий), «Непокоренные» (4 Сталинские премии), «Заговор обреченных» (4 Сталинские премии), «От всего сердца» (4 Сталинские премии). Однако не всегда определенная Сталиным иерархическая конфигурация идеологом была созвучна итогам индивидуальной деятельности читателей, но в тех случаях, когда совпадение имело место, мы вынуждены констатировать максимально бурную реакцию.

«Массовый читатель» позднесталинской эпохи, вопреки сложившимся представлениям о структуре литературного процесса того времени, осваивал печатную литературу не по остаточному принципу и в силу нескольких весомых обстоятельств не воспринимал современную ему литературную продукцию как ущербную или неполноценную. Во-первых, он попросту не мог даже приблизительно представить тот

¹ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. С. 125.

² 3 премии первой степени (1941, 1946, 1948) и 3 премии второй степени (1942, 1943–1944, 1949).

³ 3 премии первой степени (1934–1940, 1941, 1942), 1 премия второй (1948) и 1 премия третьей (1950) степеней.

объем написанных, но по какой-либо причине не изданных текстов, которые и составили, по выражению М. О. Чудаковой, альтернативные «соцреалистической доктрине» потоки, «ушедшие под землю — в русло литературы, уже не выходящей на „дневную поверхность“ (Д. Лихачев) печатной жизни».¹ Во-вторых, активно функционировала индустрия литературного производства: работал Союз советских писателей и его региональные отделения, огромными тиражами издавались «советские классики», делались многочисленные переводы с национальных языков советских республик (переводились Джамбул Джабаев, Мирсаид Миршакар, Сабит Муқанов и др.); авторам вручались всевозможные награды и премии, главной из которых была Сталинская. Иллюзия нормального движения литературного процесса поддерживалась и деятельностью института профессиональной литературной критики, возбуждавшего многочисленные споры, дискуссии и полемики по поводу тех или иных литературных и окололитературных событий. С этим фактом связано еще одно обстоятельство (возможно, самое значительное среди названных): «массовый читатель» становился непосредственным участником литературного процесса наравне с критиком и ощущал определенные привилегии занимаемого им своеобразного «экспертного» положения. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, адресуемые как писателям непосредственно,² так и направляемые в редакции, публиковавшиеся в периодике, повсеместно организуемые читательские конференции и т. д. Стоит отметить, что подобная ситуация была характерна только для сферы культурного производства, потому как лишь в ней реципиент ощущал свою компетентность и осознавал, что его мнение имеет вес.

¹ Чудакова М. О. Без гнева и пристрастия: Формы и деформации в литературе 20–30-х гг., [1988] // Чудакова М. О. Избранные работы. М., 2001. Т. 1: Литература советского прошлого. С. 311.

² См., например: «Очень прошу ответить мне по существу...». Письма читателей М. А. Шолохову. 1929–1955 / Отв. ред. Н. В. Корниенко. М., 2020. Нередкими являются случаи, когда и художественный текст, и читательские письма публиковались под одной обложкой (ср.: Твардовский А. Т. Василий Теркин (книга про бойца). Письма читателей «Василия Теркина». Как был написан «Василий Теркин» (ответ читателям) / Сост. и коммент. М. Л. Твардовской. М., 1976).

Ответ на вопрос о том, какой была реакция широкой читательской аудитории на произведения сталинских лауреатов, нагляднее всего дает повсеместно организованная во второй половине 1940-х годов библиотечная статистика (эта практика существовала и раньше, но должным образом отлажена была лишь в послевоенный период). Ее показатели были отражены в статье П. Гурова «Что читают молодые читатели московских библиотек из советской художественной литературы» (Библиотекарь. 1948. № 8):

Из 780 опрошенных молодых читателей 390 назвали своей любимой книгой «Молодую гвардию» А. А. Фадеева, 170 — «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, 108 — «Повесть о настоящем человеке» Б. Н. Полевого, 77 — «Два капитана» В. А. Каверина, 38 — «Люди с чистой совестью» П. П. Вершигоры, 34 — «Непокоренные» Б. Л. Горбатова, 23 — «Порт-Артур» А. Н. Степанова, 18 — «Чапаев» Д. А. Фурманова, 15 — «Зою» М. И. Алигер, 13 — «Петр Первый» А. Н. Толстого, 12 — «Спутники» В. Ф. Пановой, а также «Василия Теркина» А. Т. Твардовского и «Хождение по мукам» А. Н. Толстого.¹

Об отношении массового читателя к книгам, получившим Сталинскую премию, позволяет судить еще одно примечательное обстоятельство: изданные до 1953 года экземпляры (особенно те, на форзацах которых была информация о присуждении их автору высшей писательской награды) крайне часто имеют различные дарственные и памятные надписи.² Особенно показательным этот факт становится и в связи с достаточно высокой стоимостью³ преподносимых в подарок книг: «Тихий Дон» М. А. Шолохова (М.; Л.: ОГИЗ Гослитиздат, 1947) — 26 р.; «Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского в двух книгах (М.: ОГИЗ Гослитиздат, 1948) —

¹ Данные приводятся по: *Добренко Е. А.* Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецензии советской литературы. СПб., 1997. С. 260. Из 13 приведенных произведений не имеют Сталинской премии только 2 текста («Как закалялась сталь» и «Чапаев»).

² Подобные экземпляры имеются и в нашей библиотеке.

³ Подробную информацию о тиражах и стоимости книг, отмеченных Сталинской премией, см. в многотомном библиографическом справочнике Н. Мацуева «Советская художественная литература и критика» (1938–1948. М., 1952; 1949–1951. М., 1953; 1952–1953. М., 1954).

14 р. 50 к. за книгу; «Дмитрий Донской» С. П. Бородина (М.: Советский писатель, 1947) — 13 р. 50 к.; «Георгий Саакадзе» (из эпопеи «Великий Моурави») А. А. Антоновской (М.: Военное издательство, 1949) — 22 р.; «Емельян Пугачев» В. Я. Шишкова в трех книгах (М.: Советский писатель, 1949) — 14 р. за книгу; сборник поэм А. Т. Твардовского (М.: Советский писатель, 1947) — 20 р.; «Два капитана» В. А. Каверина (М.; Л.: Детгиз, 1945) — 25 р.; «Молодая гвардия» А. А. Фадеева (М.: ЦК ВЛКСМ Молодая гвардия, 1947) — 15 р.; «Жатва» Г. Е. Николаевой (М.: Советский писатель, 1951) — 10 р. 50 к.; и т. д. Иначе говоря, книги, за которые была присуждена Сталинская премия, воспринимались читателями как обладающие априорной ценностью.

V

Г. М. Маленков в отчетном докладе XIX Съезду партии в октябре 1952 года, подытоживая достигнутые СССР «огромные успехи» во всех отраслях производства, в числе прочих «крупных достижений», упомянул и то, что «высокого звания лауреата Сталинской премии удостоены 2 339 работников литературы и искусства».¹ Съезд этот оказался итоговым во всех отношениях. Это был первый, собравшийся в послевоенной истории, и вместе с тем последний Съезд, в котором принял участие «великий вождь трудящихся мира».² Сталин, бессменный секретарь ЦК и Председатель Совета Министров СССР, передоверил выступление с отчетным докладом Маленкову, ограничившись лишь заключительной речью

¹ Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX Съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). М., 1952. С. 72. Число лауреатов, названное Г. Маленковым в докладе и, по всей видимости, включенное в окончательный текст самим И. Сталиным, является известным преувеличением, основанным на подсчете выданных лауреатских дипломов и игнорирующим далеко не единичные факты неоднократного получения нескольких премий одним и тем же человеком. В действительности, выведенный за рамки сталинской диалектики, предполагающей неминуемый «скачкообразный переход» количества в качество, взгляд на утвержденные списки лауреатов обнаруживает несколько менее внушительное число — 1706 авторов (как индивидуальных, так и «коллективных»).

² См.: Речь Сталина И. В. на XIX съезде партии. 14 октября [1952 г.] // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1130. Л. 92 об.

в последний день работы Съезда, 14 октября 1952 года. Вскоре с новой силой качнулся маховик репрессий: в январе 1953 года была развернута подхвativшая т. н. «дело врачей» массовая идеологическая кампания, которая, позволяла манипулировать общественными настроениями, при отсутствии реальной войны поддерживала состояние всеобщей мобилизованности для борьбы с «вредителями в лечебном деле» и «внутренними врагами»,¹ ликвидация которых, по Сталину, была прямо связана с победой над «ротозейством в наших рядах».² Угасающим, но никогда не спящим вождем до последнего дня владела мысль о необходимости удерживать абсолютную власть: он замкнул на собственной фигуре решение всех ключевых вопросов и, будучи уверенным в собственной исключительности, не считал нужным даже вскользь касаться вопроса о порядке преемства «его» власти. Но сталинская диктатура в начале 1950-х годов была уже на излете, а «мрачное семилетие» позднего сталинизма близилось к своему завершению. Вместе с умирающим вождем изживал себя и институт Сталинской премии — главный орган, обеспечивавший жизнеспособность и полнокровность сталинского культа. Четырьмя годами позднее, взявшись за его, как тогда всем казалось, окончательное развенчание, Н. С. Хрущев в докладе на XX Съезде КПСС не забудет отметить: «Даже цари не учреждали таких премий, которые называли бы своим именем».³ С учреждением в 1966 году Государственной премии СССР⁴ история института Сталинской премии фактически была завершена: дипломы и почетные знаки Сталинских лауреатов были заменены новыми наград-

¹ Хлевнюк О. В. Сталин: Жизнь одного вождя: Биография. М., 2018. С. 419.

² Именно этой сталинской правкой завершается передовая статья Д. Шепилова «Шпионы и убийцы под маской врачей», вышедшая в «Правде» 13 января 1953 года. См.: *Девятков С. В., Сигачев Ю. В.* Сталин: Взгляд со стороны: Опыт сравнительной антологии. М., 2019. С. 380.

³ *Хрущев Н. С.* О культе личности и его последствиях. Доклад на XX съезде КПСС. 25 февраля [1956 г.] // Сталин И. В. Соч. М. 1997. Т. 16. С. 428 (впервые: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 159).

⁴ Введены Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 сентября 1966 года № 739 «О Ленинских и Государственных премиях СССР в области науки и техники, литературы и искусства».

ными атрибутами. Более того, с тех пор и вплоть до настоящего времени в многочисленной биографической и справочной литературе (в т. ч. в энциклопедических статьях) премии 1940–1950-х годов стыдливо именуются Государственными премиями. Таким образом, несмотря на явно различающийся «символический капитал» двух этих наград, была сконструирована их условная равноценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богомолов Н. А.* Несколько размышлений по поводу двух дат в истории русской литературы советского периода // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 257–266.
2. *Гюнтер Х.* Советская литературная критика и формирование эстетики соцреализма: 1932–1934 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко и Г. Тиханова. М., 2011. С. 248–279.
3. *Девятков С. В., Сигачев Ю. В.* Сталин: Взгляд со стороны: Опыт сравнительной антологии. М., 2019.
4. *Добренко Е. А.* Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецензии советской литературы. СПб., 1997.
5. *Добренко Е. А.* Фундаментальный лексикон: Литература позднего сталинизма // Новый мир. 1990. № 2. С. 237–250.
6. *Дубин Б. В.* Литературные премии как социальный институт, [2006] // Дубин Б. В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М., 2010. С. 217–224.
9. *Фрезинский Б. Я.* Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М., 2008.
10. *Хлевнюк О. В.* Сталин: Жизнь одного вождя: биография. М., 2018.
11. *Цыганов Д. М.* «Литературная газета» как один из институциональных механизмов демонтажа послевоенного соцреалистического канона // Текст. Исследования молодых учёных. М., 2021. № 2 (5). С. 313–323.
12. *Цыганов Д. М.* Сталинская премия по литературе в контексте институциональной истории культуры позднего сталинизма: Библиографический обзор // Текстология и историко-литературный процесс: Сб. статей. Вып. 9 (в печати).
13. *Чудакова М. О.* Без гнева и пристрастия: Формы и деформации в литературе 20-30-х гг. // Чудакова М. О. Избранные работы. М., 2001. Т. 1: Литература советского прошлого. С. 309–337.

REFERENCES

1. *Bogomolov N. A.* Neskol'ko razmyshlenij po povodu dvuh dat v istorii russkoj literatury sovetskogo perioda // Bogomolov N. A. Ot Pushkina do Kibirova: Stat'i o russkoj literature, preimushchestvenno o poezii. M., 2004. S. 257–266. (In Russ.)
2. *Günther H.* Sovetskaya literaturnaya kritika i formirovanie estetiki sorealizma: 1932–1934 // Istoriya russkoj literaturnoj kritiki: sovetskaya i postsovetskaya epohi / pod red. E. Dobrenko i G. Tikhanova. M., 2011. S. 248–279. (In Russ.)
3. *Devyatov S. V., Sigachev Yu. V.* Stalin: Vzgl'yad so storony: Opyt sravnitel'noj antologii. M., 2019. (In Russ.)
4. *Dobrenko E. A.* Formovka sovetskogo chitatelya: Social'nye i jesteticheskie predposylki recenzii sovetskoy literatury. SPb., 1997. (In Russ.)
5. *Dobrenko E. A.* Fundamental'nyj leksikon: Literatura pozdnego stalinizma // Novyj mir. 1990. № 2. S. 237–250. (In Russ.)
6. *Dubin B. V.* Literaturnye premii kak social'nyj institut, [2006] // Dubin B. V. Klassika, posle i ryadom: Sociologicheskie ocherki o literature i kul'ture. M., 2010. S. 217–224. (In Russ.)
9. *Frezinskij B. Ya.* Pisateli i sovetskie vozhd'i: Izbrannye syuzhety 1919–1960 godov. M., 2008. (In Russ.)
10. *Hlevnyuk O. V.* Stalin: Zhizn' odnogo vozhdya: Biografiya. M., 2018. (In Russ.)
11. *Tsyganov D. M.* «Literaturnaya gazeta» kak odin iz institucional'nyh mekhanizmov demontazha poslevoennogo sorealisticheskogo kanona // Tekst. Issledovaniya molodyh uchyonyh. M., 2021. № 2 (5). S. 313–323. (In Russ.)
12. *Tsyganov D. M.* Stalinskaya premiya po literature v kontekste institucional'noj istorii kul'tury pozdnego stalinizma: Bibliograficheskij obzor // Tekstologiya i istoriko-literaturnyj process: Sb. statej. Vyp. 9 (v pechatii). (In Russ.)
13. *Chudakova M. O.* Bez gneva i pristrastiya: Formy i deformacii v literature 20-30-h gg. // Chudakova M. O. Izbrannye raboty. M., 2001. T. 1: Literatura sovetskogo proshlogo. S. 309–337. (In Russ.)